

Юлия Беринг

ПЛЕННИЦА ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА.

Ты превратил моё падение
в своё развлечение!

Юлия Беринг

**Пленница жестокого
наследника. Ты превратил моё
падение в своё развлечение!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Пленница жестокого наследника. Ты превратил моё падение в своё развлечение! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я приехала в элитную балетную академию, чтобы стать примой. Но богатая соперница подстроила моё падение прямо перед комиссией. Я рухнула на разбитое стекло, истекая кровью. Марк Ветров, жестокий сын ректора, видел подставу. — Хочешь сохранить стипендию, Алиса? Тогда месяц будешь моей послушной игрушкой! Я отказалась. Наутро меня обвинили в краже ста тысяч рублей, лишили жилья и выставили на улицу. А потом я узнала правду. Марк намеренно использовал меня, чтобы разрушить империю собственного отца! Теперь у меня есть доказательства преступлений его семьи. Он хотел сломать меня и превратить в марионетку. Но я вернусь на сцену, разрушу их власть и заставлю всех пожалеть!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юлия Беринг

Пленница жестокого наследника. Ты превратил моё падение в своё развлечение!

Глава 1

Пол пахнет хлоркой и предательством.

Я стою у станка, вцепившись пальцами в холодное дерево так, что костяшки белеют. В зале такой холод, будто здесь минус пять. Кондиционер работает на износ, потому что кому-то жарко от чужого успеха. Мои пуанты скользят по свежевывантому линолеуму, как лезвия на стекле. Каждый шаг — это борьба с гравитацией и собственным телом, которое хочет сдаться, свернуться клубком и уснуть. Но я не могу спать. Я должна танцевать.

Комиссия сидит в темноте. Три силуэта, три судьи, которые решают, достойна ли девочка из глухой деревни дышать одним воздухом с элитой Петербурга. Музыка начинается — резкий, ломаный ритм современного балета. Я выхожу на центр.

Первый прыжок. Второй. Третий. Воздух режет легкие, но внутри меня горит огонь. Это мой шанс. Стипендия — больше, чем деньги. Это билет на свободу. Это доказательство, что я существую. Не тень, не прислуга, а Алиса Соколова. Просто Алиса. Танцовщица.

На кульминации номера мне нужно выполнить пируэт с захватом ленты. Ленту бросает партнер. Звучит скрипка, натянутая до предела. Я отталкиваюсь носком, чувствую, как тело взлетает, как мир замирает в этой точке баланса. Идеальный центр тяжести. Красота в чистом виде.

И тут я вижу его.

В ложе, во мраке, сидит Марк Ветров. Сын ректора. Золотой мальчик академии, который никогда не пачкает свои руки потом и кровью. Он смотрит на меня не восхищенно. Он изучает меня, как энтомолог изучает жука под увеличительным стеклом. Его взгляд тяжелее, чем физическая нагрузка последних двух часов. От него веет таким спокойным, сытым цинизмом, что хочется плюнуть ему в лицо или убежать. Но я продолжаю номер.

Он подаётся к краю ложи и шевелит губами: «Ты почти справилась. Почти». Я читаю это по его усмешке и ненавижу себя за то, что посмотрела.

Я игнорирую его. Закрываю глаза на долю секунды, чтобы поймать момент приземления. Приземлившись у края сцены, я чувствую толчок в плечо.

Не сильно. Аккуратно. Профессионально. Так, чтобы сбился ритм дыхания, но не было видно синяков.

— Твои носки пахнут дешевым мылом, — слышу я над ухом голос Киры Логиновой. Дочь главного спонсора школы, королева нашего курса. Она высунулась из-за кулисы, где её не должно быть. Её улыбка широкая, белоснежная и абсолютно пустая. — И ты слишком громко дышишь для «бедной девочки».

Кира исчезает в тени, прежде чем я успеваю обернуться. Внутри все холодеет, но снаружи я сохраняю каменную маску. «Сосредоточься», приказываю себе. «Только движение».

Музыка ускоряется. Приближается финальный аккорд. Партнер бросает ленту. Это символ моего успеха, красный шелковый след, который должен лечь в мои руки. Я тянусь за ней, кончиками пальцев касаясь ткани...

И лента летит мимо.

Нет, она не промахнулась. Помощник режиссера, державший катушку сзади, вдруг резко дернулся назад. Кто-то толкнул его в спину. Кира? Нет, там темно. Но результат один: лента уходит в сторону, теряя натяжение.

Мои пальцы хватают воздух.

Равновесие нарушено. Центр тяжести смещается. Я делаю попытку исправить ошибку, но нога соскальзывает на влажном полу. Я лечу вперед. Прямо на декорацию. На стеклянную вазу, которая должна была стать фоном для моего триумфа.

Грохот разбитого стекла заглушает музыку.

Тишина падает на зал, как топор. Тяжелая, звенящая, оглушительная тишина. Я лежу среди осколков, чувствуя, как тонкие острые края впиваются в кожу ладоней. Теплая кровь смешивается с пылью. Комиссия молчит. Марк Ветров в ложе медленно хлопает в ладоши. Один раз. Два раза. Ироничный аплодисмент.

— Бездарность не оправдывает бедность, — гремит голос преподавателя. Он даже не пытается помочь мне встать. — Вы опозорили школу перед меценатами. Убирайтесь.

Я поднялась, не чувствуя под собой ног. Осколки хрустели под пуантами. Никто не помог — комиссия отвернулась, будто я уже перестала существовать. Добравшись до раздевалки, я вырвала из шкафчика чистый платок и прижала его к разрезам на ладонях. Кровь проступила сквозь ткань почти сразу.

Коридоры академии после концерта похожи на кишки. Они длинные, узкие и пропахли дезодорантами и чужим страхом. Я иду, прижимая платок к порезам на руках. Кровь уже начала засыхать, стягивая кожу.

Марк выходит из ниоткуда. Или, может быть, он ждал здесь часами. Он не кричит. Он не угрожает. Он просто протягивает мне свой дорогой кашемировый шарф, когда я сильнее прижимаю платок к порезам.

— Возьми, — говорит он мягко. Слишком мягко. Как будто разговаривает с больным животным. — Руки тебе еще пригодятся. Для уборки, например.

Я отбиваю его руку. Шарф падает на пол.

— Мразь, — говорю я. Слово выходит хриплым, но твердым.

Марк улыбается. Эта улыбка — клинок. Острый, блестящий и готовый вспороть горло.

— Хочешь, чтобы это осталось между нами? — он делает шаг ближе, навязчиво вдыхая запах моей крови. — Я видел, как Кира толкнула помощника. Я знаю, что это был саботаж. Если ты согласишься быть моей... игрушкой на месяц, я забуду всё. Ты останешься в школе. Стипендия сохранится. Тебе не придется возвращаться в свою дыру.

— Игрушкой? — переспрашиваю я.

— Тенью. Молчалиницей. Выполняй мои капризы, ходи туда, куда я скажу, и молчи, когда я хочу говорить. Никакого секса, Алиса. Только контроль. Мне скучно, а ты — интересная поломка.

— Нет, — говорю я. — Ни на месяц, ни на минуту.

— Отказаться — тоже выбор. Посмотрим, кто будет смеяться завтра.

Он оставляет меня одну. На полу валяется его шарф. Я пинаю его ногой, и он улетает в темноту коридора. Сердце колотится так, что кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Страх? Да. Но больше — ярость. Чистая, горячая, первобытная ярость.

Я стояла в темноте, пока колотящееся сердце не замедлилось. Шарф так и лежал посреди коридора — темное пятно на пыльном линолеуме. Ещё несколько часов назад у меня были комната, стипендия и имя. Теперь оставалось дожидаться утра и узнать, что приготовила мне академия.

Утро приносит удар ниже пояса.

Кабинет ректора пахнет старой бумагой и дорогими сигарами. Отец Марка, Сергей Ветров, смотрит на меня поверх очков с выражением легкого отвращения, как на грязь на подошве.

— Алиса Соколова, — начинает он. Голос бархатный, но в нем сталь. — Из кассы фонда поддержки студентов исчезла сумма в размере ста тысяч рублей. Камеры наблюдения в бухгалтерии «случайно» вышли из строя ночью. Однако свидетельские показания указывают на вас.

— Это ложь! — вскакиваю со стула. — Я была в общежитии! Я спала!

— Уборщица видела вас выходящей из кабинета бухгалтера в три часа ночи, — перебивает он спокойно. — И ваша соседка по комнате подтвердила, что вы отсутствовали.

Он придвигает протокол: утром в моей сумке нашли пачку купюр. Сумка всю ночь висела в незапертой раздевалке — я забыла её после провала. Я пытаюсь объяснить это, но Ветров уже отводит глаза.

Мир рушится за секунды. Меня обвиняют в краже денег, которые я даже не могла потратить на еду. Стипендия аннулирована. Мне дают неделю. Семь дней, чтобы доказать невиновность или покинуть академию навсегда. Никто не слушает моих протестов. Для них я уже вор. Уже мусор.

Глава 2

Общежитие встречает меня гулом голосов и запахом еды из столовой. Я тащу свой маленький чемодан, надеясь, что в комнате будет тихо. Что соседка, Настя, поддержит меня. Хотя бы морально.

Но дверь моей комнаты заперта.

За тонким пластиком двери слышен смех. Громкий, победный, заразительный. Смех Киры и её свиты.

Я стучу. Сначала аккуратно, потом сильнее. Потом начинаю барабанить кулаками.

— Откройте! Это моя комната!

Дверь распахивается. Передо мной стоят Кира и две её подруги. Они одеты в пижамы от Шанель, пьют чай из фарфора. Моя кровать, мои книги, мои вещи — всё вынесено в холл.

— По распоряжению коменданта, — Кира зевает, демонстрируя идеальные зубы. — Нам нужен был простор для тренировок. А тебе... тебе лучше не мешать другим жить.

Из-за спины Киры выходит охранник. Грубый мужик с лицом кирпичной стены.

— Провожайте, студентка, — командует он.

— Вы не можете! Я имею право...

Он грубо выхватывает у меня чемодан и вываливает содержимое прямо на пол холла. Разлетаются старые носки, стопка тетрадей, фотография мамы из деревни. Люди вокруг замолкают. Глаза. Сотни глаз. Теперь они видят не талантливую девушку. Они видят воровку. Изгоя. Отброс.

Я собираю вещи трясущимися руками, пока Кира наблюдает сверху вниз, наслаждаясь каждым моим унижением.

Я собрала рассыпанные вещи в охапку и ушла, не оборачиваясь. Кира довольно хихикала где-то за спиной. К вечеру холл опустел, дежурный прогнал меня из тамбура — спать в общей зоне после отбоя запрещали. Я перетащила свои пожитки в коридор общего пользования: тетради, одежду, фотографию мамы.

Ночь в коридоре общего пользования холоднее смерти.

Здесь дует из всех щелей. Пол бетонный, ледяной. Я сижу, подтянув колени к груди, завернувшись в тонкое одеяло, которое вытащила из завалов. Слезы текут сами собой, горячие и бессильные. Я плачу не от боли в порезанных руках. Я плачу от того, что всё кончено. Балет, жизнь, будущее — всё разбилось вместе со стеклянной вазой.

Вдруг рядом появляется тень.

Илья Громов. Староста группы современников. Тихий парень, который всегда держался особняком, не общаясь ни с элитой, ни с низами. Он выглядит измотанным, в растянутом сером свитере, с растрепанными волосами.

Он не предлагает жалости. Не говорит «держись» или «всё будет хорошо». Он просто садится рядом на холодный бетон, не глядя на меня.

Откручивает крышку термоса, наливает в неё чай и протягивает мне.

— Чаю? Жасмин. Горячий.

Я беру крышку дрожащими пальцами. Горячий металл согревает ладони. Я делаю глоток. Горечь чая обжигает язык, возвращая к реальности.

Илья молчит. Потом достает из кармана флешку. Маленькую, пластиковую, ничем не примечательную.

— Ты думаешь, что это случайность, — говорит он тихо. Его голос ровный, без интонаций. — Что тебя подставили из-за ревности Киры.

— А разве нет?

— Нет. Кира — лишь исполнитель. Заказчик — семья Ветровых. Деньги украдены не тобой. Подложенные тебе купюры — ширма. По счетам фонда идут переводы в интересах матери Марка. Похоже, она шантажирует отца, выбивая дополнительные транши на ремонт крыльев здания.

Я замираю с крышкой у губ.

— Зачем ты рассказываешь мне это?

Илья наконец смотрит на меня. Его глаза серые, пустые, как зимнее небо над Финским заливом. В них нет тепла. Только расчет. И какая-то скрытая, глубоко запрятанная злоба.

— Потому что я знаю правду о системе. И я хочу её разрушить. Но мне нужны глаза и уши внутри круга врагов. Мне нужна та, кого уже списали. Та, кому нечего терять.

Он кладет флешку в мою руку. Пальцы Ильи холодные, как лёд.

— Здесь копии транзакций. Доказательства коррупции. Если ты хочешь уйти с позором и вернуться в свою деревню — можешь выбросить это. Но если ты хочешь остаться...

Он делает паузу, давая словам повиснуть в мертвой тишине коридора.

— ...если ты хочешь отомстить, то нам нужно заключить сделку. Я обеспечу юридическую защиту и отсрочку исключения. Подкуплю декана. Ты станешь моим партнером в тайном проекте. Мы будем собирать доказательства против всей системы академии. Вместе.

— Почему ты выбрал меня?

— Потому что ты ненавидишь их так же сильно, как я. И ты умеешь молчать.

Илья встает, отряхивая штаны от пыли. Свет аварийного освещения бросает на его лицо резкие тени, делая его похожим на монстра.

— Ты можешь уйти с позором. Или остаться и стать монстром вместе со мной. Выбирай быстро, солнце скоро взойдет, и они увидят твои слезы.

Он уходит, оставляя меня одну в холодном коридоре. В руке лежит маленькая черная флешка. Она тяжелее всего мира.

Я смотрю на неё. Потом на свои окровавленные руки. Потом на темный конец коридора, откуда придут новые дни, полные унижения и страха.

Страх парализует. Но голод по справедливости просыпается где-то в животе, грызя стенки желудка.

Я сжимаю флешку так крепко, что её край вдавливается в ладонь.

«Выбор сделан».

Рассвет подбирался к окнам, окрашивая бетонные стены в цвет мокрого пепла. Я переместилась из спального коридора в вестибюль и осела на пол у колонны — спать больше не хотелось, хотелось есть. Флешку я так и не выпустила из кулака: её острый край вдавился в ладонь, оставив борозду.

Мой желудок сводило от голода и ярости. В висках пульсировало так, что я едва разбирала чужие слова. Я сидела на полу вестибюля общежития, спиной прижавшись к холодному бетону колонны. Мои ноги, еще недавно обутые в стоптанные пуанты, теперь были в одних тонких носках, промокших на мокром полу у открытых дверей парадного входа. Ледяной сквозняк тянулся прямо по ногам.

Вахтерша Люба — женщина с лицом, изрезанным глубокими морщинами равнодушия, — подошла ко мне с метлой, как к грязному пятну на паркете.

— Встать, — приказала она. Голос был сухим, без интонаций.

— Мне нужно переночевать, — прошептала я, поднимая глаза. От холода губы онемели, слова выходили смазанными. — У меня нет денег на гостиницу. Родители... они не могут прислать перевод до понедельника.

Люба фыркнула, тыча метлой мне в грудь.

— Правила академии есть правила. «Подозрительные элементы» ждут в изоляторе. Но он занят. А у тебя статус «временно исключена». Сюда нельзя. Иди гуляй.

Изолятор? Подвал для провинившихся учеников, где пахло плесенью и мочой? Нет. Там точно не дадут спать. Но спорить было бессмысленно. Она вытолкала меня за дверь, и тяжелый металл захлопнулся перед моим носом, отрезав тепло и надежду.

Я осталась одна в темноте петербургской ночи. Город жил своей жизнью: машины шуршали по мокрому асфальту, фонари отражались в лужах размытыми оранжевыми пятнами. Меня трясло так сильно, что зубы выбивали дробь. Я обняла себя руками, пытаюсь сохранить хоть каплю тепла, но ветер пробирался сквозь тонкую ткань моего тренировочного костюма, который я сменила прямо в коридоре после того, как меня выставили из комнаты.

В этот момент свет фар выхватил из темноты фигуру. Высокую, статную, закутанную в кашемир цвета верблюжьей шерсти. Кира Логинова шла не одна. За ней следовали две ее тени — девочки с курса классики, которые всегда держались за юбку королевы, чтобы не быть съеденными самой.

Они остановились напротив меня. Кира посмотрела сверху вниз. Ее лицо было идеальной маской скуки, пока не скользнуло на мои дрожащие руки. Уголок ее рта дернулся вверх.

— Алиса, — протянула она, и в этом имени звучало столько яда, что хотелось спрятаться в землю. — Ты выглядишь... жалко. Как бродячая собака.

Одна из ее спутниц хихикнула, прикрыв рот ладонью.

Кира достала из кармана пальто надкушенное яблоко. Сочное, красное, оно блестело в свете фонаря, словно вызов. Она сделала вид, что хочет его съесть, но вдруг замерла, разглядывая его, а затем небрежно бросила к моим ногам. Яблоко покатилося по мокрому асфальту и остановилось ровно у моих ног в носках.

— Держи, — сказала Кира. — Тебе нужнее. У тебя же нет денег даже на обед, верно? Или ты думаешь, что талант накормит тебя лучше, чем хлеб?

Глава 3

Тишина повисла густая, как смола. Я чувствовала, как горят уши. Внутри все кричало: «подними голову, посмотри ей в глаза, скажи, что она уродина». Но тело слушалось хуже. Голод — зверь более сильный, чем стыд. Он сжимал горло, лишал воздуха.

Я медленно подняла взгляд на Киру. В ее глазах читалось ожидание слез. Она ждала истерики, унижения, просьбы. Это питало ее эго больше, чем любые аплодисменты в зале.

Но я не заплакала.

Я наклонилась. Пальцы коснулись холодной, влажной кожи яблока. Оно было липким от грязи и чьих-то рук. Кира усмехнулась, ожидая, что я начну плакать или отвергну подачку с возмущением.

Вместо этого я выпрямилась, села удобнее, опираясь спиной о стену, и надкусила яблоко. Хруст разнесся по пустому двору звонко, отчетливо. Сок потек по подбородку, смешиваясь со слюной. Я ела медленно, демонстративно, глядя Кире прямо в глаза. Не как жертва, которую милуют. А как хищник, который принимает дар, потому что ему нужна сила для следующей битвы.

Улыбка на лице Киры застыла. Зрачки расширились. Ей не понравился этот исход. Она хотела видеть раболепие, а получила дерзость.

— Мерзкая, — процедила она сквозь зубы, развернулась и ушла, хлопнув каблуками. Ее свита последовала за ней, бросая на меня испуганные взгляды.

Я доела яблоко, чувствуя, как сладость немного притупляет боль в животе. И тогда услышала шаги. Тяжелые, уверенные. Они не удалились вместе с Кирой. Они остановились прямо за моей спиной.

Запах табака и дорогого одеколона ударил в нос. Марк Ветров.

Я чуть повернула голову. Он стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на меня. Его лицо было скрыто тенью капюшона, но я видела блеск глаз — холодный, расчетливый.

— Эффектно, — произнес он тихо. — Ты умеешь делать из грязи конфетку. Но это не спасет твою репутацию.

— Что тебе нужно? — спросила я, не оборачиваясь. Голос сорвался, но я заставила себя говорить твердо.

Марк обошел меня, остановившись так близко, что я чувствовала тепло его тела. Для меня это было почти физическим шоком после долгого сидения на морозе.

— Я могу дать тебе место, — сказал он. — Теплую постель. Душ. Кофе. На одну ночь. Взамен ты будешь молчать о том, что видела сегодня. И о том, что знаешь о деньгах фонда.

Его предложение висело в воздухе, сладкое и отравленное, как то яблоко. Комната Марка означала безопасность. Означала прекращение боли. Но также означала, что я становлюсь его собственностью. Его игрушкой.

Я подняла глаза, встречаясь с ним взглядом. В его серых радужках не было ни капли жалости, только любопытство исследователя, изучающего поведение муравья в банке.

— Нет, — ответила я.

Марк удивленно вскинул бровь, будто моего вчерашнего «нет» ему было недостаточно.

— Ты замерзнешь насмерть, Алиса. Твоя гордость не согреет тебя.

— Лучше замерзнуть, чем стать твоей вещью, — отрезала я. — Ты трус, Марк. Ты прячешься за своими деньгами, потому что боишься посмотреть правде в глаза. Правде о том, кто действительно украл эти деньги.

Его лицо окаменело. На секунду в глубине глаз мелькнуло что-то похожее на панику, но тут же исчезло, заменившись маской презрения.

— Глупая девочка, — бросил он.

Он развернулся и пошел к своему черному внедорожнику, который ждал у подъезда. Прежде чем сесть в машину, он обернулся. Из внутреннего кармана пальто он достал белый конверт и бросил его на мокрый асфальт. Конверт упал рядом с моими ногами.

— На такси, — крикнул он через плечо. — Если решишь, что жизнь дороже принципов.

Машина рванула прочь, оставив после себя клубы выхлопа и запах резины. Я смотрела на конверт. Внутри явно лежали купюры. Достаточно, чтобы снять номер в отеле. Достаточно, чтобы забыть о позоре хотя бы на пару дней.

Но если я возьму эти деньги, я стану той самой воровкой, которой меня называли. Я подтверждаю свою виновность своим поступком. Взятка. Прямая связь с сыном ректора.

Я отвернулась от конверта и встала. Ноги затекли, колени хрустнули. Нужно было идти. Куда угодно, лишь бы не стоять здесь.

Конверт остался лежать на асфальте — белое пятно в круге света фонаря. Я не оборачивалась. Город встретил меня пустыми дворами и закрытыми витринами; переждать ночь можно было где угодно, лишь бы не в поле зрения камер.

Утро встретило меня серым, промозглым светом и запахом сырости. Я провела ночь в техническом отсеке под лестницей главного корпуса, где пахло машинным маслом и старой бумагой. Сон был поверхностным, полным кошмаров, где Кира душит меня шарфом, а Марк смеется, наблюдая со стороны.

Перед рассветом я вернулась за чемоданом, переобулась в кроссовки и засунула мокрые носки в пакет. Теперь я шла в кабинет декана по учебной части. Мое тело ныло, каждый шаг отдавался болью в костях, но внутри горел огонь отчаяния. Я должна была их увидеть. Должна была потребовать камеры.

Кабинет Вероники Сергеевны был залит лампами дневного света, создавая стерильную, клиническую атмосферу. Декан сидела за большим столом из красного дерева, перебирая бумаги. Когда я вошла, она даже не подняла головы.

— Закрой дверь, — приказала она.

Закрыла. Щелчок замка прозвучал громко.

— Я требую доступа к архивам камер видеонаблюдения за вечер четверга, — начала я быстро, боясь, что голос дрогнет. — Деньги из кассы фонда были подброшены мне в сумку. Я знаю, кто это сделал. Если мы проверим записи, моя невиновность будет доказана.

Вероника Сергеевна наконец подняла глаза. В них было полное отсутствие интереса. Только усталость и легкое раздражение, как от назойливой мухи.

— Алиса, — вздохнула она, снимая очки и протирая их платком. — Записи повреждены. Техника вышла из строя именно в тот период. Это досадная случайность, но факты остаются фактами.

— Это не случайность! — я ударила ладонью по столу. Бумаги дрогнули. — Это подстава. Вы знаете это. Вы покрываете их.

Декан надела очки обратно и посмотрела на меня поверх оправы.

— Приказ ректора уже подписан. Стипендия аннулирована. Исключение оформлено. У тебя семь дней на выселение. Это не обсуждается.

— Я хочу видеть ректора. Я хочу говорить с отцом Марка!

— Ректор занят подготовкой к Гала-концерту. И, поверь мне, он не станет слушать жалобы студентки, обвиняемой в краже государственных средств. Это портит имидж академии.

Она открыла ящик стола и достала лист бумаги. Аккуратно положила его передо мной.

— Вот твой приказ. Подпиши его об ознакомлении. И будь добра, не устраивай сцен. Охранники ждут за дверью.

Я смотрела на белый лист. Черные буквы складывались в приговор. «Исключить. Без права восстановления».

Мои руки дрожали. Не от холода. От бессилия. Вся моя борьба, вся моя гордость разбилась о равнодушные системы. Законная дорога была перекрыта. Камеры не работали. Ректор глух. Я была одна против целого мира, который решил меня уничтожить.

— Не тани время, — резко сказала декан, заметив, как я приближаю лицо к бумаге. — Подпиши и уходи.

Схватила ручку, лежащую на столе. Перо скребло по бумаге, оставляя мой автограф. Подпись получилась неровной, угловатой. В этом жесте было все мое поражение.

Когда я вышла из кабинета, два охранника в форме уже ждали меня.

— Проводим вас до выхода, — сказал один из них, беря меня за локоть. Его хватка была железной.

Я не сопротивлялась. Сопротивление было бесполезно. Они вели меня по длинному коридору, мимо классов, где шли уроки. Дети смотрели на меня. Кто-то шептался. Я чувствовала на себе сотни взглядов, полных осуждения и любопытства. Я стала экспонатом. Живым примером того, что бывает, когда пытаешься играть по правилам сильных мира сего.

Мы спустились на первый этаж. Свет из окон лился на полированный пол, слепя глаза. Я шла, глядя на грязные носы кроссовок. Мысль была одна: «все кончено».

Глава 4

Но когда мы вышли на крыльцо главного корпуса, меня перехватили.

Не охранники. Человек.

Илья Громов стоял у колонны, скрестив руки на груди. Его старая куртка, выдавшая виды, контрастировала с безупречной формой остальных студентов. Он курил, выпуская тонкую струйку дыма в серый воздух. Когда я появилась, он затушил сигарету об стену и шагнул навстречу.

Охранники остановились, переглянулись. Илья был старостой, человеком с влиянием, но не настолько сильным, чтобы перечить администрации. Однако его взгляд был тяжелым, предупреждающим.

— Оставьте ее, — сказал Илья спокойно. Голос был низким, бархатистым, но твердым как камень.

Один из охранников нахмурился:

— Она покидает территорию. Нам приказано проследить.

— Я буду сопровождать ее до остановки транспорта. Это часть моего дежурства по безопасности кампуса. Отстаньте.

Пауза затянулась. Охранники неохотно отпустили мою руку и отошли в сторону, бросив на Илью косые взгляды. Но они остались наблюдать.

Илья подошел ближе. От него пахло табаком и кофе. Он не спрашивал, как я себя чувствую. Не предлагал утешений. Он просто полез во внутренний карман куртки и достал вторую флешку — маленькую, серебряную.

— Держи, — сказал он, вкладывая ее мне в ладонь.

Я недоуменно посмотрела на предмет. Металл охлаждал кожу.

— Что это?

— Данные с резервного сервера охраны, — ответил Илья. Его глаза были темными, почти черными, и в них не было жалости. Только расчет. — Система видеонаблюдения действительно «сломалась». Но резервный канал писал звук и картинку в локальную сеть технического отдела. Кира подложила деньги в твою сумку за пять минут до конца смены вахтера. Я слышал их разговор. Кира говорила: «Пусть она попробует доказать обратное. Никто не поверит нищей».

Мое сердце пропустило удар. Затем заколотилось быстрее.

— Почему вчера ты дал только переводы? — прошептала я. — У тебя уже была эта запись?

Илья усмехнулся. Горькая, циничная улыбка.

— Была. Но мне нужна была реакция системы. И мне нужен был человек, который уже потерял все. Тот, кому нечего терять, кроме жизни.

Он сделал шаг ближе, сокращая дистанцию до минимума. Я почувствовала исходящее от него тепло.

— Я знаю, что такое коррупция в этой школе, Алиса. Знаю, как ректор покупает оценки и места в труппе. Но чтобы свалить его, нужны документы из закрытого архива. Архива, который находится в служебных помещениях административного крыла.

— И?

— И ты можешь туда попасть. Не как студентка. Как изгой. Тебя никто не будет контролировать так строго, как тех, кто на стипендии. Ты свободна от правил, потому что ты уже вне закона.

Я смотрела на него, понимая масштаб предложения. Это было самоубийственно. Лезть в логово львов, когда тебя только что выгнали.

— Что ты предлагаешь?

— Сделку. Я обеспечу тебе временное убежище и еду. Технический отдел общежития. Там есть койка и мини-кухня. Взамен ты помогаешь мне украсть файлы с сервера ректората. У тебя есть доступ к ключам от технических люков, которые ты использовала, когда подрабатывала уборщицей на первом курсе.

Я вспомнила те времена. Ранние подъемы, ведро с тряпкой, презрение преподавателей. Тогда я ненавидела эту работу. Теперь она могла стать моим оружием.

— Почему я должна тебе верить? — спросила я. — Ты такой же, как они. Используешь людей.

Илья пожал плечами.

— Да. Я использую. Но я использую их против системы, которая ломает таких, как ты. Марк Ветров предлагает тебе роль игрушки. Я предлагаю роль союзника. Выбор за тобой. Но учти: через шесть дней ты окажешься на улице без гроша в кармане. Или ты начнешь действовать сейчас.

Голод снова сжал живот. Холод пронизывал кости. Но впервые за сутки страх отступил, уступив место азарту. Опасному, запретному азарту.

Я посмотрела на флешку в своей руке. На лицо Ильи, спокойное и решительное.

— Я не стану твоей игрушкой, — сказала я четко. — Мы партнеры. На равных.

Илья усмехнулся. На этот раз улыбка была почти искренней.

— Игрушки не кусаются, Алиса. А ты будешь.

Он протянул руку. Я пожала ее. Его ладонь была сухой и теплой. Рукопожатие длилось секунду, но ощущалось как печать контракта с дьяволом.

Мы пошли вглубь кампуса, минуя главные аллеи, направляясь к заднему двору, где располагались технические службы. Шагали молча, но напряжение между нами росло.

На углу здания, около служебного входа, нас ждал Марк.

Он курил, прислонившись спиной к кирпичной стене. Его дорогое пальто распахнуто, воротник поднят. Когда он увидел нас идущими вместе, рука Ильи случайно задела мой локоть (жест защиты, или собственности?), лицо Марка исказилось. Но не от гнева.

От страха.

Быстрый, незаметный взгляд на окна второго этажа, где находились кабинеты администрации. Марк мгновенно сменил тактику. Он выпрямился, стряхнул пепел и подошел к нам, широко улыбаясь. Эта улыбка была фальшивой, натянутой, как маска.

— А вот и наша звезда вечера, — сказал он громко, так, чтобы было слышно проходящему мимо вахтеру. — Алиса, я рад, что ты передумала. Я ведь говорил, что помогу найти решение.

Илья напрягся, его челюсть сжалась.

Марк положил руку мне на плечо. Легко, почти дружески, но пальцы впивались в ткань, контролируя.

— Она под моей опекой, господа, — продолжил он, обращаясь к воздуху, к камерам, к системе. — Никаких конфликтов. Просто частная беседа о перспективах трудоустройства. Верно, Алиса?

Я поняла. Он не хотел нашей смерти. Он хотел контроля. Если я исчезну бесследно, возникнут вопросы. Если я останусь «его проектом», вопросов не будет. Он прятал меня, чтобы не всплыла правда о том, кто реально стоит за кражей. Или он боялся, что я пойду к Илье и найду доказательства, которые разрушат его мир.

В его глазах, обычно холодных и пустых, я увидела то, чего не ожидала. Панику. Маленькую, крохотную искру ужаса перед неизвестностью.

Он не бог. Он мальчик в золотой клетке, который боится, что клетка откроется.

— Верно, Марк, — сказала я, вырывая плечо из его хватки. — Частная беседа.

Марк отступил, сохраняя улыбку, но его пальцы мелко дрожали.

Илья взял меня за руку и повел за угол, в тень технического блока. Мы прошли мимо двери с табличкой «Служебное помещение. Вход запрещен». Илья достал ключ и открыл замок.

Дверь скрипнула, впуская нас в полумрак.

Комнатка была тесной, заваленной старыми проводами, мониторами и серверами, гудящими низким басом. Пахло пылью и электроникой. В углу стояла узкая кушетка, накрытая шерстяным пледом.

Илья закрыл дверь. Щелчок замка отделил нас от внешнего мира.

Он повернулся ко мне. Свет мониторов подсветил его лицо синим неоном.

— Здесь безопасно, — сказал он тихо. — Но если нас поймают, я скажу, что ты пришла сама. Ты согласна?

Я посмотрела на темный экран компьютера, где уже загружался файл с именем «Схема_Ветрова.pdf». Мой пульс успокоился. Голод стал второстепенным. Страх растворился.

Я улыбнулась. Впервые за последние двадцать четыре часа.

— Согласна.

Глава 5

К вечеру в технической комнатке сменили замок. Илья ушёл к декану, а я осталась с чемоданом у закрытой двери. Завтрак давно сторел, обеда не было. Я потянулась к пустому классу: хотя бы посидеть в тепле.

Свет в коридоре мигает, как сердечный ритм на кардиограмме умирающего. Я знаю это мерцание. Лампа дневного света — предвестник боли.

Меня зовут Алиса. Ещё позавчера я была студенткой Академии искусств Ветрова. А сейчас я — «та самая воровка», которую охранник Глеб вытолкнул из пустого класса хореографии так грубо, что лопатки ударились о косяк с глухим стуком.

— Закрыто, — прорычал он, даже не посмотрев мне в глаза. Его фонарик скользнул по моей тонкой футболке, задержавшись на талии, и я почувствовала себя невидимой пылью, которую нужно стряхнуть с ботинка. — Тебе здесь делать нечего. Своя рубашка ближе к телу? Или ты привыкла чужие носить?

Я не ответила. Спорить было бесполезно, а голос сорвался бы от холода. Вместо этого я просто села у стены, обхватив колени руками. Бетон под спиной был ледяным, пробираясь сквозь ткань до самых костей. Сквозняк гулял по длинному коридору, свистя в вентиляционных решетках, и каждый порыв ветра ощущался как физический удар. Я закрыла глаза, представляя, что меня нет. Что если я буду достаточно тихой, они забудут, где я. Но память академии коротка только для богатых. Для таких, как я, клеймо горит ярче любого софита.

Желудок свело спазмом. Голод давно перерос желание есть. Это когда тело начинает переваривать само себя, превращая мышцы в топливо для мозга. Мне нужна была еда. Любая. Даже та, которую выбрасывают после репетиций.

Я встала, ноги гудели от долгого сидения, и побрела к раздевалке. Там, за углом, стояли мусорные баки. Обычные серые контейнеры, которые никто не проверяет ночью. Внутри, среди использованных грим-салфеток и пластиковых стаканчиков, мог лежать недоеденный бутерброд. Может быть, половина ролла. Может быть, печенье.

Руки дрожали, когда я открывала крышку. Запах химикатов и старой еды ударил в нос, но голод заглушил отвращение. Я увидела его. Половина сэндвича с курицей, завернутая в фольгу. Идеальная находка.

— О, смотрите! Королева мусорных баков решила перекусить?

Голос Киры Логиновой разрезал тишину коридора, как скальпель. Она вышла из раздевалки, шурясь от яркого аварийного света. За ней следовали две девочки из её компании — те самые, кто вчера шептался за кулисами, глядя на мои стоптанные пуанты с жалостью, смешанной с презрением.

Кира усмехнулась, поправляя идеальную прядь светлых волос.

— Ты знаешь, Алиса, в нашей школе принято брать деньги в кассе фонда только если ты действительно нуждаешься. Но красть еду из мусора... это уже новый уровень низости.

Она подошла ближе, каблучки её туфель звонко цокали по линолеуму. В руке она держала пакет с остатками ужина из столовой. Не спросив разрешения, она бросила пакет прямо перед моими ногами. Он приземлился в лужу воды, которая натекла от протекающей трубы. Еда всплыла на поверхность грязной жижи.

— Держи, — Кира улыбнулась во все тридцать два зуба. — Подачка от принцессы. Хотя, может, тебе стоит съесть это вместе с водой? Так дешевле выходит.

Девочки за её спиной захихикали. Этот смех был громче крика. Он резал уши, проникал под кожу. Я смотрела на мокрый хлеб, плавающий в грязной воде. Внутри что-то щёлкнуло. Стыд, который должен был сжечь меня изнутри, испарился. На его место пришла холодная, стальная ярость.

Я медленно подняла глаза на Киру. Она ждала слез. Ждала унижения. Ждала, что я упаду на колени и умоляю простить меня за то, что я вообще существую рядом с ними.

Но я не сделала этого. Я просто смотрела на неё. Молча. Без эмоций. Как смотрят на паука, которого собираются раздавить пальцем.

Кира дрогнула. Улыбка на её лице стала кривой.

— Чего уставилась? Нравится?

Я отвернулась. Медленно. Специально показывая, что она для меня ничего не значит. Ни её деньги, ни её статус, ни её жестокость. Я взяла свой телефон. Экран был черным. Батарея села окончательно. Я попыталась включить его, но кнопка не реагировала.

Паника накрыла меня волной. Без телефона я не могла связаться с мамой. Без денег я не могла купить билет на автобус. Без пропуска я была никем.

Я двинулась к выходу из здания академии. Коридоры были темными, эхо моих шагов звучало как шаги призрака. Ворота главного входа были закрыты на ночь. Решетка перегорожена цепью. Я дернула её, но металл даже не скрипнул. Меня выпустили наружу? Нет. Академия никогда не выпускает своих должников. Мы становимся частью интерьера. Часть пыли. Часть тени.

Идти было некуда. Дом в деревне, откуда присылали последние гроши, теперь стал недосыгаемой сказкой. Улицы Петербурга в ноябре — это не прогулка. Это смерть от гипотермии за пару часов.

Я вспомнила карту общежития, которую рисовала в голове первые дни учебы. Технический выход на чердак. Ржавая лестница, ведущая к крыше. Там дуло, но там было сухо. И главное — там меня не найдут. Там меня не будет.

Лестница скрипела под моими шагами. Каждая ступень давалась с трудом, мышцы горели от кислоты. Когда я наконец вылезла через люк на плоскую крышу общежития, ветер чуть не сдул меня обратно. Город внизу сверкал огнями, равнодушный и красивый. Питерский снег кружил в лучах фонарей, оседая на плечах.

Здесь тоже было холодно. Зато в отличие от коридора здесь не было чужих глаз.

Я прислонилась спиной к кирпичной стене дымовой трубы, чувствуя, как тепло кирпича возле дымохода проникает через ткань футболки. Я обхватила себя руками, пытаюсь остановить дрожь. Зубы стучали так сильно, что челюсть болела.

— Марк думает, ты сбежала.

Голос был низким, спокойным, без капли насмешки.

Я вздрогнула, обернувшись. В тени, около края крыши, сидел человек. Илья Громов. Староста группы современников. Тот, который никогда не смеялся над чужими ошибками и всегда молчал, когда другие кричали.

Он курил. Тонкая струйка дыма поднималась вверх, растворяясь в ночном небе. Его лицо было скрыто полумраком, но я видела блеск глаз.

Инстинкт кричал: беги. Он часть системы. Он сын бывшего ректора, он тот, кто знал о планах ректората. Он мог сдать меня охране за одну минуту. Мог сказать, что я прячусь, чтобы украсть ещё что-нибудь. После сменённого замка даже утреннее рукопожатие ничего не гарантировало.

Я отшатнулась назад, ударившись лопатками о кирпич.

— Отойди, — мой голос сорвался на шипение.

Илья не двинулся с места. Он просто затянулся и медленно выдохнул дым.

— Я знаю, что ты здесь. Потому что я тоже иногда прихожу сюда, когда становится слишком много воздуха внутри корпуса.

Он встал. Высокий, худощавый, в растянутом черном свитере. Он сделал шаг ко мне. Я напряглась, готовясь к удару. Но вместо этого он стянул с себя свою куртку. Тяжелую, шерстяную, пахнущую табаком и чем-то терпким, мужским.

Он протянул её мне.

— Надень.

Я колебалась. Гордость или жизнь? Холод убивал быстрее стыда. Мои руки замерзли до синевы, пальцы не слушались. Я схватила куртку и натянула её поверх футболки. Тепло обрушилось на меня лавиной. Оно было чужим, но спасительным. Запах Ильи окутал меня, заменяя запах страха и грязи из коридора.

— Садись, — сказал он, указывая на бетонный парапет.

Я села. Колени всё ещё тряслись, но теперь это было от облегчения.

— Зачем ты здесь? — спросила я, глядя на город.

— Жду тебя, — ответил Илья просто.

Он достал телефон из кармана свитера. Свет экрана осветил его угловатое лицо.

— Алиса, послушай. Твоё исключение оформлено. Декан подписал приказ. Теперь требуют, чтобы завтра утром ты покинула территорию, иначе вызовут полицию по статье о краже. Реальной, а не той, которую импровизировал Марк.

Сердце пропустило удар.

— И что теперь? Нашу сделку тоже отменили?

— Нет. Но одного убежища мало. Нужен доступ.

Илья повернулся ко мне. Его глаза были серьезными, почти пугающими своей глубиной.

— Марк Ветров считает, что люди — это куклы. Он управляет ими через страх. Через долги. Через компромат. Но он ошибается в одном: куклы имеют нити. А нити тянутся к тому, кто их дергает.

Он показал мне фото на экране. Документ. Договор о поставках реквизита. Подпись ректора. Цифры, которые были в десять раз выше рыночной стоимости.

— Это лишь верхушка, — сказал Илья. — Ректорат ворует. Деньги фонда — и будущее студентов. Они продают места в труппе. Они ломают тех, кто отказывается платить. Твоя история с «кражей» — это тест. Проверка на прочность. Если ты сломаешься, они будут знать, кого можно ломать дальше.

Я смотрела на цифры. На подписи. Это была правда. Та самая правда, которую я чувствовала кожей, но боялась озвучить вслух.

— Почему ты не идешь в полицию?

Глава 6

— Потому что полиция куплена тем же ректором, — Илья усмехнулся горько. — Нам нужен другой путь. Нужны доказательства, которые нельзя заткнуть деньгами. Нужны свидетели, которые готовы говорить.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Я могу отсрочить твоё исключение. Один месяц. Декан согласилась принять апелляцию и заморозить приказ на месяц. Завтра я заберу бумагу. Ты сможешь ходить на занятия, но стипендию пока не вернут. Взамен ты станешь моими глазами внутри круга Ветрова. Ты будешь слышать разговоры в раздевалке. Видеть, куда идут деньги. Помогать собирать архив.

Он расширял сделку. Теперь требовалось добыть файлы и при этом ходить среди Ветровых, слушать их, ждать удобного мгновения. Стать шпионом. Продать душу второму тирану ради выживания?

— На новые условия я не соглашалась, — сказала я твердо. — Лучше уйду, чем стану инструментом чьей-то мести.

Илья не спорил. Он просто убрал телефон и посмотрел на меня так, будто видел впервые.

— Ты хочешь не выжить, Алиса. Ты хочешь, чтобы они увидели, кто ты на самом деле. Чтобы Кира перестала смеяться. Чтобы Марк потерял контроль. А я могу дать тебе микрофон.

Фраза ударила точно в цель. «Микрофон». Слово, которого я прежде боялась: танцовщица должна молчать. Теперь он предлагал мне голос. Больше не быть фоном для других.

Я замолчала. Ветер трепал волосы, забивая их в рот. Я чувствовала тепло куртки на плечах. Чувствовала тяжесть тайны в кармане.

— Условия, — сказала я тихо.

Илья приподнял бровь.

— Какие?

— Я работаю на себя. Не на тебя. Не на систему. Я хочу, чтобы они упали. Но я не стану твоим солдатом. Я буду партнером.

Илья рассмеялся. Тихо, почти беззвучно, но в глазах мелькнуло уважение.

— Партнером. Хорошо.

Вдруг снаружи, со стороны лестничной клетки, послышался скрип двери. Шаги. Тяжелые, уверенные шаги охранника. Фонарик высветил красное пятно на стене напротив нас.

Мы замерли. Инстинкт заставил нас обоих отступить в тень большой вентиляционной шахты. Илья потянул меня за рукав куртки, прижимая к холодной металлической трубе.

Мы стояли вплотную друг к другу. Его грудь касалась моего плеча. Я чувствовала жар его тела сквозь ткань. Впервые за сутки я перестала дрожать от холода. Дрожала от другого — от осознания того, насколько близко мы оказались к пропасти.

Свет фонарика скользил по стенам, приближаясь.

— Кто здесь? — прокричал охранник. Голос был глухим, отраженным от кирпича.

Илья прижал палец к своим губам, а потом аккуратно, но настойчиво прикрыл мой рот своей рукой. Ладонь была теплой, шершавой от мозолей, пахла никотином и спокойствием.

Я смотрела ему в глаза. Он не моргал. Свет фонарика прошел совсем рядом, задев край его носа. Охранник постоял несколько секунд, послушал тишину и развернулся. Шаги удалились. Дверь хлопнула.

Илья убрал руку. Его пальцы остались на моей щеке на долю секунды дольше, чем нужно.

— Теперь ты в игре, — прошептал он мне прямо в ухо. Его дыхание обожгло кожу. — Мы сообщники. Никто не тронет тебя, пока я жив.

Я кивнула. Глотнула воздух, полный табачного дыма и опасности.

Я приняла яд добровольно. И этот яд был слаще смерти.

Я поднялась, поправляя чужую куртку. Она была велика мне, рукава доставали до кончиков пальцев, но она защищала. Я посмотрела вниз, на огни города. В них больше не было хаоса. Там был план. Там была месть.

Алиса не жертва. Алиса — оружие, которое только что было заряжено. И следующий выстрел будет точным.

Мы ещё постояли молча, глядя, как внизу мигают огни чужого города. Шаг к лестнице сделали одновременно — моё тело помнило о голоде упрямее, чем душа — о мести.

С крыши мы спустились в комнату Ильи, №314. Чемодан он принёс следом; я вернула ему куртку и переделалась в свою рубашку. Руки дрожали так, что я не могла удержать даже пустую кружку. Илья поставил передо мной чашку с чаем, пар от которого обжигал лицо, но тепло казалось мне чужим, почти оскорбительным. Я смотрела на темную жидкость, как на отражение своей собственной беспомощности. Голод скручивал внутренности в тугий узел, а страх перед тем, что мы можем провалиться прямо сейчас, заставлял мышцы сводить судорогой.

— Пей, — его голос был тихим, но твердым, как скала.

Я резко отдернула руку, когда он попытался коснуться моего запястья. Кожа горела от прикосновения, но внутри холодело.

— Мне не нужно это, — прошипела я, отводя взгляд. — Еда делает меня вялой. Медленной. Если я потеряю бдительность хотя бы на секунду, они нас поймают. А я не могу позволить себе роскошь быть сытой и спокойной. Это слабость, Илья. Чистая слабость.

Он не стал спорить. Вместо этого он просто взял мою ладонь — жестко, без спроса — и не дал ей вырваться. Его пальцы были теплыми, шершавыми от мозолей, и этот контраст с моими ледяными костяшками ударил по нервам сильнее любого крика. Он поднес чашку к моим губам, заставляя сделать глоток. Горячая терпкость обожгла язык, и я захлебнулась, закашлявшись.

— Ты не можешь танцевать с пустым желудком, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. В них не было жалости, только холодный расчет. — Это не слабость, Алиса. Это топливо. Без него ты умрешь раньше, чем доберешься до архива. А мертвая ты им нужна?

Я вытерла рот тыльной стороной ладони, чувствуя, как стыд смешивается с благодарностью. Ненавижу эту зависимость. Ненавижу, что он прав.

— Хватит! — я рывком высвободила руку, схватившись за край стола. Костяшки побелели. — Мы должны идти. Прямо сейчас. Охрана сменилась десять минут назад, у них есть окно. Каждое мгновение здесь — риск.

Илья поднялся, заслоняя собой дверь. Его силуэт в тусклом свете лампы казался огромным, непреодолимым барьером.

— Нет, — коротко ответил он.

— Почему?! — мой голос сорвался на визг, который тут же осел в горле комком страха. — Ты боишься? Тебе удобно прятаться в этих стенах, пока я теряю все? Ты хочешь контролировать каждый мой шаг, потому что иначе я начну действовать самостоятельно, и тогда тебе придется отвечать за мои ошибки?

— Камеры после инцидента с Кирой включили все, — его тон не дрогнул. Ни капли раздражения. Только факты. — Коридоры забиты дежурными. Они ищут тебя, Алиса. Не меня. Тебя. Если мы выйдем сейчас, нас увидят вместе. Для них это будет означать одно: «воровка» сговорилась со «старостой». Нас изолируют мгновенно. Жди трёх часов. В это время резервные камеры перезапускают, а дежурные меняются. Другого окна у нас нет.

«Трусость», — шептал внутренний голос, но тело слушалось разума Ильи. Я села обратно, обхватив колени руками, стараясь дышать ровнее. Минуты тянулись, как резина. Тишина комнаты стала осязаемой, давящей на уши.

На телефоне высветилось 02:58. Внезапный стук в дверь разорвал тишину, как выстрел.

Мое сердце пропустило удар. Я вскочила, паника затопила сознание. Документы, которые Илья только что достал из потайного кармана куртки, лежали на столе открыто. Доказательства коррупции ректората, которые могли стоить нам свободы или жизни.

— Что делать?! — прошептала я, метаясь по комнате. — Спрятать их? Под кровать? В шкаф?

Глава 7

Илья спокойно посмотрел на меня, затем на документы и одним быстрым движением сунул папку под матрас.

— Держись, — приказал он.

Он подошел к двери и открыл её. На пороге стояла вахтерша, женщина лет пятидесяти с опухшими глазами и запахом дешевой сигаретной трубки. Она подозрительно оглядела коридор, потом перевела взгляд на Илью.

— Громов? Ты чего шумишь? У нас режим тишины.

Илья улыбнулся — той самой обезоруживающей, немного циничной улыбкой, которая всегда работала на него. Он достал из кармана пачку дорогих сигарет и протянул женщине.

— Извините, Зинаида Петровна. Помогал Алисе с домашним заданием по истории балета. Она... э-э... нервничает перед экзаменами. Боюсь, она перегреется.

Вахтерша взяла пачку, быстро сунув её в карман халата. Её лицо смягчилось, жадность победила строгость.

— Ну ладно, студентик. Но чтобы тихо. Ректор сегодня в плохом настроении.

Она закрыла дверь. Я выдохнула, почувствовав, как ноги становятся ватными. Илья повернулся ко мне, его улыбка исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.